

Л. Г. Чапаева

Москва, Россия

КОМПОНЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ 30–40-Х ГГ. XIX В.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются малоизвестные филологические сочинения XIX в. с точки зрения отражения в них структуры языковой ситуации и взаимосвязи ее компонентов; выявляются их номинации, объем и иерархия в представлении исследователей русского языка периода 1830–1840-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация; литературный язык; простонародный язык; просторечие.

Сведения об авторе: Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, кафедра русского языка.

Адрес: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18.

E-mail: lg4@mail.ru.

L. G. Chapayeva

Moscow, Russia

COMPONENTS OF RUSSIAN LANGUAGE SITUATION Philological SOURCES 30-40th. XIX CENTURY

ABSTRACT: The article examines the little-known philological works of the XIX century. in terms of the structure to incorporate the language situation and the relationship of its components; identifies their nomination, the volume and the hierarchy in the representation of Russian Language Researchers period 1830-1840's.

KEY WORDS: language situation; literary language; vulgar language; vernacular.

About the author: Chapayeva Lubov Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov, Department of Russian.

Понятие «языковая ситуация» сформировалось в отечественной социолингвистике в 60–е г. XX в. Составляющими языковой ситуации могут быть как разные языки, так и разновидности одного национального языка. В моноязычной ситуации речь идет о взаимодействии и «равновесии» разных форм одного и того же языка с учетом их стратовой дистрибутивности и соотносительности с формами культуры, и прежде всего положение литературного языка, находящегося в различных отношениях с другими формами общенационального языка, что и создает динамизм культурно-языкового развития определенной эпохи. Для характеристики языковой ситуации оказываются важными еще два момента: идеология как комплекс идей, формировавших культурную ситуацию исторического периода, и языковая рефлексия, т.е. оценка носителями языка современного языкового состояния [подробнее см.: Чапаева 2014а].

Русская лингвистическая наука 30–х гг. XIX в. не располагает значительным количеством серьезных и фундаментальных работ, где бы оценивалась (пусть и в другой терминологии) языковая ситуация (исследования Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и др. появляются позднее), современное состояние русского языка бегло характеризуется преимущественно в учебных грамматиках и практических руководствах. Тем не менее, в русском языкознании этого времени растет стремление определить и философски осмыслить национальное своеобразие русской грамматической системы, осознается задача определения основных исторических закономерностей развития русского языка, связей современного состояния языка с его историей, установления соотношения различных форм русской речи, говоря современным языком, описания языковой ситуации.

Наиболее авторитетным автором грамматик был в это время Н. И. Греч, опубликовавший в 1827 г. «Пространную русскую грамматику», а также два ее сокращенных варианта: «Практическая русская грамматика» и «Начальные правила русской грамматики». Грамматика Н. И. Греча пользовалась признанием и популярностью, выдержав несколько переизданий и послужив основой для других учебных грамматик и практикумов. Лингвистические взгляды Н. И. Греча отражены также в его книге 1840 года «Чтения о русском языке» и практически без изменений повторно изложены в объемной статье «Заметки о преподавании русского языка и словесности», опубликованной в «Морском сборнике» в 1856 году.

В 1831 году вышла «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» А. Х. Востокова и следом его же «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная», которые были написаны для училищ. Несмотря на то, что В. Г. Белинский считал грамматику Востокова «лучшей из всех русских грамматик» (Белинский т. VIII, 255), в ней также нет развернутых теоретических положений. Можно лишь отметить, что А. Х. Востоков различает в составе русского языка «важную или благородную речь», т.е. «книжный» язык; «простонародную», «иначе называемую просторечием» и выделяет «обыкновенную речь или язык разговорный», но соотношение этих форм существования языка не разъясняется [см.: Востоков 1831: 4]. Недостатком грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова считалось то, что они «составлены по методе грамматик для чужих языков» [Буслаев 1992: 51]. Объектом грамматического описания в нормативных грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова был «правильный» язык «образцовых» авторов. [Анализ грамматик Греча, Востокова, Давыдова, Аксакова с точки зрения их объема, предмета и принципов описания см.: Соловьева 2005].

Среди учебных пособий 30-х гг. можно назвать «Русскую грамматику для русских» В. Половцева, вышедшую в Санкт-Петербурге (1839 г.). По сравнению с «Начальными правилами» Н. И. Греча в ней новым является лишь

форма подачи материала: от конкретных примеров к правилам, т.е. она является комментарием к употреблению тех или иных форм. Ф. И. Буслаев отметил, что «Половцев частью применил преподавание русского языка к требованиям русских учеников (в обоих случаях выделено автором. – Л. Ч.), но и он не достиг своей цели, предпослав этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое» [Буслаев 1992: 52]. Уже в начале 40-х гг. «русские грамматики переизданы Греча, Востокова и Половцева», как говорится в обзоре книг за 1838-1840 гг. «Журнала Министерства народного просвещения» (ЖМНП: 222), кроме того «вновь появились грамматики Гуслистого, Лихонина и неизвестного» [там же].

Практические руководства по различным разделам языка в это время составляются преимущественно учителями гимназий и, не претендуя на высокий теоретический уровень, часто оказываются неудовлетворительными и в рекомендуемых правилах. Ф. И. Буслаев в рецензии на «Практическую орфографию» П. Перевлесского (1842 г.), старшего учителя ярославской гимназии и его же «Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение» (1842 г.) замечает, что орфографические правила автора резко противостоят общему употреблению, особенно в рекомендациях писать *ещо, счот, возпитание* [см.: Буслаев 1842: 186–187].

В определенной степени языковая ситуация 30–40-х гг. характеризуется в работах Н. И. Греча. В концепции Н. И. Греча выстраивается корреляция *письменный ~ неписьменный, устный* как синонимичную оппозиции *книжный ~ общенародный*. В область общенародного языка не включается собственно язык народный, «площадной» или «подлый» [подробнее см.: Чапаева 2014б].

Русская языковая ситуация 30–40-х гг. XIX в., представленная в лингвистической концепции Н. И. Греча, несмотря на размытость некоторых понятий, отражает социальный характер взаимодействия разных форм языкового существования. Литературный язык реализуется как «искусственный книжный» и представляет собой «высшую степень прозы» [Греч 1840, I: 39]. Книжный язык противопоставлен «естественному народному» и «изустному», т.е. разговорному языку образованного социума. Разговорный образованный язык соотносится с народным (простонародным) только устной формой проявления, их функции различны, так как они обслуживают различные социумы. Разговорный язык элиты, не резко противопоставленный книжному, оценивается как устная форма общенародного, общенационального языка. Книжный, являющийся письменной формой общенационального языка, подразделяется на несколько стилей: научный, поэтический, богослужебный, деловой, дипломатический и проч.

В 40-х гг. XIX в. русская лингвистическая наука начинает стремительно развиваться. Широкий резонанс получила работа Г. П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841г.), в которой описаны некоторые нормы употребления с рекомендациями, исходящими из общей пуристической установки автора. В «Москвитянине» эта работа названа «первым ученым, глубоким исследованием русского языка» [Давыдов 1843: 522]. В. В. Виноградов отметил, что «система форм русского словопроизводства» до этого «не воспроизводилась с такой полнотой»; в исследовании «блестящие образцы историко-морфологического» анализа языка; «особенно оригинально и глубоко» разработана система глагола [см.: Виноградов 1978, 298]. Теоретического описания языка в книге не предложено, но из изложения практического материала становится очевидным, что автор рассматривает русский язык во всем его объеме, предлагая примеры слов и форм как из церковнославянского языка, так и из «простого русского». В частности, объясняя соотношение написания и произношения флексий прилагательных в И. п. ед.ч. муж. рода, Г. П. Павский замечает, что написание –ый (добрый, честный) из «церковнославянского наречия», а произношение –ой («читаем доброй, честной») – из «простого русского» [Павский 1841, I: 130]. «Общежительный язык» противопоставлен «важной речи» [Павский 1841, II: 44], под которыми явно подразумеваются разговорный язык и книжный высокий стиль.

Из грамматических руководств этого времени можно назвать также публикацию А. Е. Студитского «Лексикология русского языка: Критические исследования» (1845 г), где содержатся общие и частные замечания о языке, логических основаниях грамматики, правописании отдельных приставок, а история образования некоторых форм не выдерживает критики; «Начертание русского синтаксиса» П. М. Перевлесского, предлагающее толкование состава простого предложения, основных членов предложения, а также разбор некоторых фигур «синтаксиса украшенного» [Перевлесский, 1847: XIX], присутствующих в языке писателей и отступающих от правил образования русской речи, т.е. художественного стиля. В качестве иллюстративных примеров используются тексты Пушкина, Гоголя и некоторых других современных авторов. В 1848-1850 гг. в Киеве выходит лекционный курс Н. Костыря «Предмет, метод и цель филологического изучения языка», в котором определены основные разновидности русского языка и их соотношение. Противопоставляя «литературный древний и новый» русский язык «народному», Н. Костырь под вторым подразумевает «живой неписьменный язык народа» [Костырь 1848: 13], а в составе литературного языка выделяет «*письменный и разговорный* язык образованного общества» [там же: 5], т.е. две формы «правильного», образованного языка. В свою очередь письменный язык подразделяется на *старый и новый*, «церковнославянский и гражданский» или литературный язык со времени Ломоносова [там же], в литературном – два периода его развития – «язык карамзинский и язык современный».

Итоги грамматического изучения русского языка от М. В. Ломоносова до середины XIX в. отчасти были подведены в вышедшем в 1852 г. «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова. Поскольку исследование представляет собой теоретическое, а не нормативное описание грамматики, объем русского языка представлен шире, чем в грамматиках Н. Греча и А. Востокова. Эта книга считалась лучшим

достижением русской грамматической науки своего времени: в ней нашли отражение наблюдения и выводы А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Ф. И. Буслаева и др.

На 40-е гг. приходится начало научной деятельности Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского. В 1844 г. (переизд. 1992 г.) выходит большая методическая работа Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», состоящая из двух частей: «Педагогические начала», в которых предложена научно обоснованная методическая система, и «Материалы по русской грамматике и стилистике», посвященные исторической грамматике, стилистике и лексикологии. Это первая попытка научно-исторического описания некоторых фактов и явлений русского языка. В разделе стилистики и лексикологии Ф. И. Буслаев рассматривает понятия *литературный язык*, *народный язык*, *архаизмы*, *провинциализмы*, *варваризмы* (заимствования). Несомненным достоинством «Материалов по русской грамматике и стилистике» признается провозглашенная автором важность и необходимость изучения народного языка в его говорах. Кроме того, Ф. И. Буслаева можно считать одним из первых этнолингвистов, начавших новую лингвистическую парадигму, главным принципом которой стал антропоцентризм: ученый пытается связать языковые факты с культурными и мифологическими представлениями русского народа, выявить картину мира как мировидения русского человека.

В истории лингвистических учений Ф. И. Буслаева относят к числу западников, хотя сам он не причислял себя ни к тем, ни к другим, по-человечески больше симпатизируя славянофилам. На наш взгляд, его лингвистическая концепция во многом совпадает с установками славянофилов. Он сотрудничает с журналом «Москвитянин» не только в 1845 г., когда его редактором становится И. В. Киреевский, но и ранее. В отношении к историческому прошлому в русской культуре и языке Буслаев вполне согласен со славянофилами: «Все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как необходимый элемент входит живительную силу, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствованию для будущего» [Буслаев 1992: 94]. Общность позиций славянофилов и Ф. И. Буслаева (а позднее и И. И. Срезневского) определяется, вероятно, тем, что сравнительно-исторический метод, утверждавшийся в это время, предполагал как раз реконструкцию прошлого состояния русского языка и ретроспекцию этого *идеального* прошлого состояния в настоящее. Идея о неразрывной связи прошлого и настоящего легла в основу историко-лингвистических исследований эпохи 30-50-х гг. Историко-лингвистические идеи Буслаева, заявленные в 1844 г., были реализованы в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858 г.; переизд. 1959 г.).

Ф. И. Буслаев отводит особую роль народному языку в составе общенационального русского языка: «Н а р д н ы й я з ы к (выделено автором. – Л. Ч.) принимаю я в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более или менее образованных», «он относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным» [Буслаев 1992: 282]. В этом противопоставлении отражается не столько оппозиция *письменный ~ устный*, или *письменный ~ разговорный*, сколько оппозиция *искусственный ~ естественный*, подвергшийся *чуждому* влиянию и *исконный, родной*: «лингвист <...> видит во всяком языке, как в живом организме, не искусственное изобретение, а естественное выражение дара слова» [Буслаев 1959: 571]. Подчеркивая несводимость народного языка к письменному и тесную связь народного языка с историей народа, Ф. И. Буслаев обосновывает необходимость его изучения для обогащения русского литературного языка и прослеживает связь и преемственность некоторых оборотов народной речи, засвидетельствованных им в древних памятниках, устном народном творчестве и современной литературе. «Точность и простота» народной речи определяет ее более высокий статус по сравнению с искусственной речью современной литературы, а «Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили необходимость ввести народный язык в письменный» [там же: 300]. В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаев книжный язык противопоставляет разговорному, живому, «не возделанному искусством» [Буслаев 1959: 564], т.е. остающемуся за рамками языка художественной литературы, народному в «его видоизменениях исторических и местных» [там же: 566].

Противопоставляя письменный литературный язык и народный на всем его историческом пути, Ф. И. Буслаев, в отличие от Н. И. Греча, считает обращение к живой народной речи залогом будущего развития и усовершенствования литературного языка, что обеспечит его общенациональный характер. Современный «обиходный письменный язык, которым пишут и встречный и поперечный, исполнен такими ошибками и варваризмами, так бесцветен и вял, что невольно берет грусть, как подумаешь, что и дети наши, учась грамматике по чтению, испорченному таким слогом, будут также искажать русскую речь», – писал Ф. И. Буслаев еще в 1842 году [Буслаев 1842: 185]. Расценивая современное состояние литературного языка как «неустроенное», ученый объясняет это неудовлетворительным состоянием современной филологической науки и литературы, методики преподавания родного языка: «Наша грамматика и в половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоят немецкая и французская; истории русского языка вовсе еще нет; попытки сравнительного изучения русского языка с родственными и соплеменными еще не доросли до науки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтических и прозаических сочинений; стилистики нет; риторика и пиитика ожидают делателей» [Буслаев 1992: 41].

Ставя перед собой методические задачи, Ф. И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка» предлагает образцы практического анализа древних и современных текстов, прослеживая их языковое родство в грамматике и стилистике. Исследователь расширяет границы народного языка как высшей формы его национального существования, включая в его состав архаизмы и относя к ним «все старинные выражения, соответствующие древней

русской жизни», а также «церковнославянские формы» [там же: 271]; варваризмы – заимствования из других языков, усвоенные за всю долгую историю существования русского языка; «разветвлениями» народного языка являются провинциализмы, т.е. лексические и грамматические явления областных наречий, которые частично используются в «теперешнем слого» [там же: 354]. И если к варваризмам различного происхождения (особенно «переводным и неологизмам») следует относиться с осторожностью и бережностью к собственному языку, то «отвращение от провинциализмов есть старинный риторический предрассудок», поскольку «изучение провинциализмов обближает и дружит нас с нашими соотечественниками всех концов России» [там же: 356].

Современный литературный язык в грамматике Буслаева занимает центральное место в языковом дискурсе, а на периферии оказываются областные говоры, областная речь, которая «именуется просторечием или языком народным (а также простонародным) в отличие от языка книжного, литературного, искусственного или образованного» [Буслаев 1959: 25].

Столь же замечательным научным фактом по своему влиянию на развитие русской филологической науки стали исследования профессора Петербургского университета И. И. Срезневского, особенно его лекция «Мысли об истории русского языка», прочитанная 8 февраля 1849 г. на годичном торжественном собрании университета и затем опубликованная отдельной брошюрой трижды в течение двух лет (с дополнениями и комментариями опубликована в 1959 г.), в которой история русского языка предстает как параллельная история двух языковых стихий – языка простонародного и языка книжного, литературного. Срезневский историю русской языковой ситуации строит на противопоставленности законов развития того и другого языка и описывает ее как их динамическое взаимодействие на разных исторических этапах.

Еще в заметке о составе Словаря церковнославянского и русского языка, впервые опубликованной в 1848 г., И. И. Срезневский выделил следующие языковые разновидности: «старый русский язык» (древнерусский); «язык церковных книг» (церковнославянский); «слова областные и вообще простонародные» (здесь явно не противопоставлены диалекты и общенародное просторечие); «язык литературный» [Срезневский 1986: 57]. Язык народа, названный простонародным, по объективным внутренним причинам своего существования противопоставлен книжному как динамичная и статичная системы, так как живой народный язык находится в постоянном изменении, а книжный стремится закрепить собственные нормы и правила употребления «в неподвижности». И. И. Срезневский в иерархии разновидностей родного языка на первое место также ставит народный язык, который определяет формирование книжного языка и его изменения, «этого одного уже довольно, чтобы заставить нас обратить главное внимание наше на язык народный» [Срезневский 1959: 119]. Единство национального языка обеспечивается соотносительностью его устной и письменной форм: при все увеличивающемся отрыве книжного и народного языков «должен наконец родиться в народе вопрос: как же могу я говорить одним языком, писать другим? говорить языком все переменяющимся, писать языком не переменяющимся?» [там же: 118].

Их современное соотношение характеризуется как «период возвратного сближения» [Срезневский 1959: 67]. Это сближение должно осуществляться на основе того общего, что характеризует общенародный язык вне социальных и территориальных границ его существования. Общенародный, «общий русский язык», преодолевая дробление на местные наречия и говоры как реализацию общей тенденции «обобщить язык», «все более упрочивает свое единовластие повсюду» [там же: 64], он и должен стать источником обогащения книжного языка. Именно в народном языке сильно стремление к изменениям, отвечающим современным нуждам языка: «разрушай старое, строй новое» [Срезневский 1959: 129] – таков закон жизни и языка, поэтому необходимая новизна в книжном языке оказывается напрямую связанной с влиянием народного языка. В частности, рассуждая о возможности использования народных явлений в книжном языке, особенно там, где книжный язык недостаточно развит и богат, И. И. Срезневский предлагает ввести в литературный язык формы *ихный* и *нешнь* [там же: 69].

Таким образом, языковая ситуация, ее компоненты и их характеристика в русских филологических исследованиях начинает получать более или менее адекватное отражение лишь к концу 40-х годов XIX в. В работах Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского актуализируется тот социолингвистический аспект, который важен для определения особенностей языковой ситуации: соотношение, иерархия различных подсистем общенационального языка и языковая рефлексия по этому поводу как носителей языка, так и лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г. (Рец.) Русская грамматика Александра Востокова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / Под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. Т. 8. С. 255.
- Буслаев Ф. И. (Рец.) Практическая орфография П. Перевлесского // Москвитянин, 1842. Ч. V. №9.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1959.
- Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992.
- Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Востоков А. Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
- Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 1–2. СПб., 1840.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 32. №10–12. Отд. V.
- Костыр Н. Предмет, метод и цель филологического изучения языка: В 2 т. Киев, 1848–1850.
- Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка: рассуждения 1–3. СПб., 1841–1842.

- Перевлеский П. М. Начертание русского синтаксиса. М., 1847.
- Соловьева И. В. Русский язык как предмет описания в отечественных грамматиках 20–50-х гг. XIX в.: дис.... канд. филол. наук. М., МГУ, 2005.
- Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
- Срезневский И. И. Русское слово. Избр. труды. М., 1986.
- Давыдов И. И. (рец. в соавторстве с Ф. И. Буслаевым). Филологические наблюдения протоирея Г. Павского над составом русского языка // Москвитянин. 1843. Ч. I. №2.
- Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Saarbrücken, 2014. (а)
- Чапаева Л. Г. Языковая ситуация 30–40-х гг. XIX в. в работах Н. И. Греча // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Межд. конгресс иссл-лей рус.яз.: Труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. (б)